Сведения об авторах

Барышников Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru; vbaryshnikov@mail.ru

Пленков Олег Юрьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: o.plenkov@spbu.ru, oleg.plenkov@yandex.ru

ДИПЛОМАТ Б. Е. ШТЕЙН И СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЕРЕДИНЫ 1930-X ГГ.

Статья подготовлена в рамках проекта Мероприятия 2 СПбГУ «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX—XXI вв.», шифр в ИАС: 5.38.275.2014, руководитель В.Н. Барышников.

Резюме

Известный дипломат Б. Е. Штейн возглавлял советское полпредство в Финляндии с 6 января 1933 г. по 25 ноября 1934 г. Исторически его деятельность в Хельсинки совпала с началом изменения стратегии СССР в отношении Финляндии. Она была направлена на трансформацию финского внешнеполитического курса в более благоприятном для СССР плане, сориентировав его на постепенное превращение Финляндии в союзника СССР. В результате, его работа явилась первым проявлением начавшейся в Москве концептуальной «перестройки» общих подходов в отношении к этой стране, которая продолжалась до момента заключения в 1948 г. договора о Дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Однако дипломатическая работа, которую осуществлял Штейн в Финляндии в середине 1930-х гг. никоим образом еще не смогла в своем начале поменять общий характер советско-финляндских отношений и его миссия тогда закончилась очевидной неудачей.

Ключевые слова: история международных отношений, советско-финляндские отношения, история Финляндии

[©] Барышников В. Н., 2015

V. Baryshnikov, О. Ю. Пленков

Information about the authors

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru; vbaryshnikov@mail.ru

Plenkov Oleg Yurievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: o.plenkov@spbu.ru, oleg.plenkov@yandex.ru

DIPLOMAT B. STEIN AND THE SOVIET-FINNISH RELATIONS IN THE MID-1930S

The research for this paper was financially supported by St. Petersburg State University grant: "From nation-states to the United Europe: the issues of the European integration in the XIXth – XXIst centuries", IAS code: 5.38.275.2014. The head of the project: V. N. Baryshnikov.

Abstract

Famous diplomat B. Stein headed the Soviet plenipotentiary representative office in Finland from January 6, 1933 to November 25, 1934. Historically, his activities in Helsinki coincided with the beginning of change in strategy of the USSR in regard to Finland. It was oriented to transform the Finnish foreign policy in a more favorable to the Soviet Union line and to make of Finland an ally. As a result his work was the first manifestation of the first steps of Moscow's conceptual «adjustment» in common approaches in regard to this country, which lasted until the conclusion in 1948 of the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance. But the diplomatic work which was carried out in Finland in the mid-1930s was not able to change the general character of the Soviet-Finnish relations and then the mission of Stein ended in apparent failure

Key words: History of International Relations, Soviet-Finnish relations, history of Finland

Дипломат, доктор исторических наук, профессор Борис Ефимович Штейн (1892–1961 гг.) был одной из ключевых фигур в истории советско-финляндских отношений середины 1930-х гг. Именно он возглавлял советское представительство в Финляндии в достаточно сложный период времени, прибыв в Хельсинки в начале 1933 г. Тогда отношения двух государств считались весьма неустойчивыми и он, очевидно, должен был поменять их характер, возглавляя советское полпредство с 6 января 1933 г. по 25 ноября 1934 г¹. Причем данный отрезок его дипломатической деятельности совпал со временем определенных политических изменений в отношениях к этой стране, которые происходили тогда в Москве.

Эти изменения выражались в ряде обстоятельств, где, прежде всего, явно начала проявляться и нарастать дипломатическая активность СССР, вызванная очевидным усилением Советского Союза. Именно в это время стала наблюдаться очевидная тенденция, когда «из региональной державы Советский Союз стремительно вырастал в европейскую и мировую»². Более того в Москве четко стали переходить к инициативной внешней политике направленной на заключение соглашений о взаимной помощи с рядом европейских государств. Причем всех западных соседей Советского Союза стали в Москве стремиться, как считают некоторые исследователи, превратить «в "западный барьер", ограждающий СССР от главного очага европейского конфликта»³. Эта нарастающая дипломатическая активность не могла не быть зафиксирована и в финском МИД'е⁴, создавая уже иную функциональную нагрузку для деятельности советского полпредства.

¹На должность посланника в Финляндию Б. Е. Шейнис был назначен решением Политбюро ЦК ВКП(б) 7 декабря 1932 г. В Хельсинки прибыл 9 января 1933 г. Верительные грамоты вручил президенту Финляндии Э. Свинхувуду — 11 января. (См.: *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 — июнь 1934. СПб., 2000. С. 609—610).

² Там же. С. 108.

³Там же. С. 107-108.

⁴См.: Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 12 K. Kansainvälinen asema Euroopassa ja sen kehittyminen versaillesin rauhasta lähtien sekä Suomen ulkopolitiikka. Esitelmä, jonka on pitänyt ulkoasiainministeri A. Hackzell. Suomen sanomalehtimiehille Helsingissä syyskuun 4 päivänä 1935; Ibid. 5 C18. Asia Yrjö Koskisen. Rap. N 30: Neuvostoliiton ulkopoliittinen asema, 27.11.1933 и др.

С другой стороны, приход в январе 1933 г. нацистов к власти в Германии тоже менял общеполитическую обстановку в Европе, поскольку для СССР и для нового руководства Германии уже трудно было сохранять прежнюю конфигурацию советско-немецких отношений. Более того Третий рейх в Москве стал все больше рассматриваться в качестве будущего противника СССР. В результате, с начала 1935 г. Германию в советском военном руководстве откровенно начали видеть в качестве одного из наиболее вероятных противников⁵. Но, что при этом становилось самым важным, с точки зрения изменения политики Москвы в отношении Финляндии, это государство также четко начали рассматривать в качестве военного союзника Германии. В результате в противовес политике Третьего рейха на Балтике в советском руководстве с рубежа 1933-1934 гг. постепенно стала вырабатываться более четкая концепция, которая затем будет уже материализована в идею превращения Финляндии в ярко выраженного военно-политического союзника СССР. Объективно, формирующаяся тогда задача затем трансформируется в качестве одной из главных политических линий советского руководства в отношении Финляндии и просуществует вплоть до 1948 г., когда с этой страной в Москве будет подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В результате, фактически, именно в период, когда полпредом в Финляндии являлся Б. Е. Штейн, советско-финляндские отношения начали приобретать тот характер, который затем определил их развитие, а затем и резкое обострение, приведшее уже в конце 1930-х гг. к возникновению войны между двумя государствами. Что же касается Б. Е. Штейна, то, его назначение тогда было, вероятно, неслучайным, поскольку именно этот дипломат затем оказался тем, кому весной 1939 г. также доверили вести в Хельсинки секретные переговоры с финским министром иностранных дел Э. Эркко. На этих переговорах непосредственно касались решения вопросов взаимной безопасности двух государств в условиях надвигающейся тогда мировой войны. Советского посланника уже в Италии опять привлекали к «финским делам», а задание по этому поводу Б. Е. Штейну лично давал И. В. Сталин⁶. Итог же этих переговоров, несомненно, при-

 $^{^5}$ См.: Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. p-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 1. Директива народного комиссара обороны о разработке плана операции на 1935 г., 9.3.1935.

 $^{^{\}hat{6}}$ Шейнис 3. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии) // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 113—114.

вел к тому, что курс Советского Союза в отношении Финляндии стал, бесспорно, еще более жестким 7 .

В целом, значение Б. Е. Штейна, как человека, который решал практические вопросы осуществления советско-финляндских отношений, не вызывает сомнения. Это также вынуждены были признать и в Финляндии, где сложилось мнение, что Штейн занимал в 1930-е гг. чуть ли не «центральное положение в определении политики по отношению ко всей Скандинавии» В. Показательным при этом являлось то, что Штейна в Хельсинки явно воспринимали как проводника более жесткой линии СССР, чем, скажем, его приемника на посту главы советской дипломатической миссии в Финляндии Э. А. Асмуса. По представлениям опытного финского дипломата А. Ирье-Коскинена, вообще существовала точка зрения, что «время Штейна в Финляндии довольно наглядно показывало... как много значит, во всяком случае, по советским взглядам, мнение и позиция человека находящегося на должности посланника» 9.

В этом плане, вероятно, следует разобраться, мог ли действительно Б. Е. Штейн играть в наркомате иностранных дел какую-то личную, субъективную роль, осуществляя ответственные поручения советского правительства? Также, несомненно, важно понять персональные представления этого человека, в том смысле, насколько они могли влиять на определенные решения, которые тогда вырабатывались в Москве относительно Финлянлии?

Сложность ответа на данные вопросы, однако, заключается в том, что никаких опубликованных воспоминаний данный советский дипломат после себя так и не оставил. Более того, его коллеги по дипломатической работе 1930-х гг. в Финляндии тоже мало что об этом периоде в изданных в СССР мемуарах сообщили. Фактически, единственными более или менее подробными воспоминаниями об этом времени стали мемуары Н. Г. Пальгунова 10. Их автор находился в 1932—1935 гг. в Финляндии являлся секретарем партийной организации советской колонии в Хельсинки. Следовательно, он был весьма близким лицом к полпреду. Но места в своих воспоминаниях даже для упоминания о Б. Е. Штейне у

 $^{^{7}}$ См.: *Барышников В. Н.* Начало политического кризиса 1939 г. в Европе и Финляндия // Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006. С. 164–171.

⁸ Killinen K. Suomi ja länsivallat maailmansotien välisenä aikana // Itsenäisen ulkopolitiikan alkutaival. Porvoo; Hels., 1962. S. 189.

⁹ Цит. по: *Korhonen K.* Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. Os. 2. Hels., 1971. S. 68.

 $^{^{10}}$ Пальгунов Н. Г. Тридцать лет (воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964.

него, в достаточно объемном разделе об их совместной работе в Финляндии, так и не нашлось 11. Очевидно это можно было объяснить тем, что взлеты в карьере Штейна сочетались со временной его опалой или даже отстранением от дипломатической работы. Притом «сложный период» в жизни у Штейна начался только в 1940-е гг. Об этом всем Н. Г. Пальгунов хорошо был осведомлен, поскольку впоследствии работал в качестве руководителя Отдела печати НКИД, а затем стал даже генеральным директором ТАСС. Вероятно, именно существующее тогда «в верхах» критическое отношение к Б. Е. Штейну повлияло на то, что о нем постарались просто «забыть». Библиографических работ о Штейне тоже написано не много и здесь тоже в меньшей степени затрагивается «финский период» его дипломатической деятельности 12.

В результате, в качестве определенного источника о его работе в Финляндии могут служить только те донесения, которые он направлял в Москву. С другой стороны, не менее важным, можно считать то, как оценивали этого человека финские дипломаты и исследователи. Их представления тоже могут создать более ясную картину эффективности осуществляемой Б. Е. Штейном линии. При этом очевидно, что о нем далеко не с такой «симпатией» вспоминали финские представители, как это отмечают отдельные его библиографы в России¹³. В Хельсинки он приобрел репутацию, дипломата, способного «придумывать комбинации политические планы, которые могли бы наилучшим образом показывать Россию»¹⁴. Но одновременно он представлялся человеком, который о Финляндии направлял в Москву преимущественно негативную информацию, поскольку не мог в полной мере ее изучать и в целом не вникал, как считают финские исследователи, в жизнь этой страны. Штейна к тому же рассматривали менее профессиональным, чем его предшественник известный советский дипломат И. М. Майский¹⁵.

С другой стороны, учитывая это, однако, важно, что Б. Е. Штейн был действительно весьма влиятельной фигурой в наркомате иностранных дел. В Финляндию на должность полпреда он был переведен с достаточно ответственного поста заведующего 2-м Западным отделом НКИД,

¹¹См.: Там же. С. 66-104.

 $^{^{12}\}text{См.:}$ Архивы раскрывают тайны. М., 1991; *Шейнис З. С.* Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии).

¹³ Шейнис 3. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии). С. 109.

¹⁴Cm.: *Selén K.* Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisten siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhö 1931–1936. Hels., 1974. S. 97.

¹⁵ Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 68.

причем после соответствующего одобрения его кандидатуры непосредственно в Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁶. Более того Штейн к этому времени уже имел довольно богатый опыт внешнеполитической деятельности. Он, начиная с 1922 г., активно участвовал в наиболее важных для Советской России международных конференциях. В частности, Штейн входил в состав советской делегации на Генуэзской, а также Гаагской конференциях. Кроме того он являлся генеральным секретарем делегаций СССР на Международной экономической конференции в Женеве (1927) и в подготовительной комиссии на Всеобщей конференции по разоружению (1927—1932 гг.). В момент работы полпредом в Хельсинки Б. Е. Штейн вместе с М. М. Литвиновым активно еще занимался решением проблем вступления СССР в Лигу наций, а затем с 1934 г. по 1938 г. неизменно являлся членом советской делегации на ее заседаниях в Женеве¹⁷. Иными словами, Б. Е. Штейн являлся весьма авторитетной в НКИД фигурой и считался последовательным проводником официальной внешней политики Советского Союза. Это было бесспорно. Более того считалось, что он пользовался особым доверием наркома иностранных дел М. М. Литвинова, о чем, кстати, догадывались и в Финляндии. В одном из донесений финляндского посланника в Москве, в частности, тогда прямо сообщалось, что «Штейна считают литвиновской креатурой, поскольку он является давним помощником Литвинова» 18.

В результате, можно сказать, что взгляды Штейна по вопросам внешней политики Советского Союза в целом были хорошо известны. К тому же они четко нашли свое отражение в его публицистических и историко-исследовательских работах, а также в стенограммах его публичных лекций, которые затем издавались в Советском Союзе¹⁹. Кроме того, при

 $^{^{16}}$ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 582, 609.

¹⁷Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 587–588.

¹⁸UM. 5 C 18. Moskovan-lähetystön raportti, 13. 3. 1937.

¹⁹См.: Штейн Б. Е. Советская Россия в капиталистическом окружении. М., 1921; Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М., 1922; Штейн Б. Е. Гаагская конференция. М., 1922; Штейн Б. Е., Канторович А. Я. Русский экспорт и внешние рынки: (торгово-политические условия русского экспорта). М., 1923; Штейн Б. Е. Внешняя торговая политика СССР. М.–Л., 1925; Штейн Б. Е., Раппопорт А. Ю. Советско-германский договор 12 октября 1925 года. М., 1927; Штейн Б. Е. Фашистская Италия — вассал гитлеровской Германии. М., 1942; Штейн Б. Е. Уроки Версаля. М., 1944; Дипломатия Ватикана: стенограмма публичной лекции Б. Е. Штейна, прочитанной 9 февраля 1945 года в Колонном Зале Дома Союзов в

его участии тогда была опубликована первая систематическая подборка документов дипломатического характера — сборник «Внешняя политика СССР», в котором 3-й и 4-й тома охватывали период с 1925 по июнь 1941 г.²⁰ В этом издании нашли свое отражение официальные материалы, касавшиеся отношений Советского Союза с Финляндией. Причем в период подготовки этого сборника, в апреле 1944 г., Штейн в своей публичной лекции о советско-финляндских отношениях прямо говорил: «Нет и не может быть в мире разумного и беспристрастного политического деятеля, который не признал бы справедливости внешней политики СССР по отношению к Финляндии»²¹. Что же касается финской политики, то, как обратили на это особое внимание в Хельсинки, в лекции подчеркивалось, что «в течение 25 лет Финляндия проводила враждебную России политику»²². Именно эта мысль и легла очевидно, в основу подобранных для публикации документов, а также других его выступлений того периода²³.

С другой стороны, очевидно, что в вопросах внешней политики СССР в отношениях с Финляндией Б. Е. Штейн все же, вероятно, в чемто сомневался, хотя и не высказывал это публично. Данную специфику взглядов советского дипломата зафиксировал один из советских журналистов, который взял у него интервью в марте 1940 г. Тогда, уже после окончания «зимней войны», на вопрос о Финляндии, он даже, как заметил журналист, «казалось, окаменел»²⁴. Подобное поведение Штейна, очевидно, могло быть мотивировано тем, что только что закончившаяся очень кровопролитная война, являлась очевидной неудачей дипломатии целого периода советско-финляндских отношений. В этом плане он тоже не мог не нести на себе определенный груз ответственности.

Москве. М., 1945; *Штейн Б. Е.* Внешняя политика СССР 1917 - 1923 гг.: стенограммы лекций, прочитанных в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б). М., 1945; *Штейн Б. Е.* Система международной опеки: (две тенденции решения колониальной проблемы в организации Объединенных Наций). М., 1948; *Штейн Б. Е.* Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949; *Штейн Б. Е.* Русский вопрос в 1920—21 гг. М., 1958; *Штейн Б. Е.* Буржуазные фальсификаторы истории. М., 1960 и др.

 $^{^{20}}$ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. III–IV. М., 1945–1946.

²¹Советско-финляндские отношения. Стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Б. Е. Штейна, прочитанной 10 апреля 1944 года в Колонном зале Дома Союза в Москве. М., 1944. С. 17.

²²UM. 110 B2. Tukholmasta UM:lle, 13.04.1944.

 $^{^{23}}$ Штейн Б. Е. Внешняя политика СССР 1927—1934. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б). М., 1945.

²⁴ Шейнис 3. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии). С. 103.

Но в любом случае, понятно, что Б. Е. Штейн был действительно опытным советским дипломатом, который знал нюансы хитросплетений внешней политики СССР. Главной же его задачей, несомненно, являлось стремление переломить в лучшую сторону крайне неустойчивые отношения Советского Союза со своим северным соседом.

В этом отношении стартовые позиции на посту полпреда в Хельсинки для Б. Е. Штейна складывалось достаточно удачно. Накануне его назначения, в декабре 1932 г., Финляндию посетила советская торгово-промышленная делегация, направленная туда «для выяснения возможности расширения нашего экспорта»²⁵. Результат этой поездки, однако, оказался не очень значительным²⁶, но создавал представление о перспективах подобного сотрудничества. Из доклада Б. Е. Штейна о своей первой встрече с министром иностранных дел Финляндии А. Хакцелем, состоявшейся 18 января 1933 г., было видно, что советско-финляндские отношения могут явно иметь тенденцию к улучшению. «Лед растаял и нужно ковать железо» — сказал тогда ему А. Хакцель²⁷. Речь, несомненно, шла о возможном более тесном сотрудничестве двух государств. Как зафиксировал Б. Е. Штейн, Хакцель тогда заметил, что «в последние годы было наделано много глупостей с финской стороны» и имелись такие политики в Финляндии, которые в лучшем случае не проявляли интереса к СССР, а в худшем — «поддавались влиянию всяких крикунов»²⁸.

Очевидно, что для Б. Е. Штейна настало то самое время, когда нужно было «исправить» данное положение. В результате новый полпред с ходу развил весьма кипучую деятельность. Она, прежде всего, выразилась, как считает его библиограф 3. С. Шейнис, в установлении контактов «не только с официальными лицами, но и с общественными кругами» 29. В частности, исследователь утверждает, что советскому дипломату тогда удалось наладить связь с известной финской общественной деятельницей, писательницей X. Вуолийоки, через которую он «завязал еще более широкие связи в кругах интеллигенции» Финляндии 30.

²⁵ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 356.

²⁶См.: Там же. С. 358–359.

²⁷Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 37.

²⁸Там же. С. 37-38.

²⁹Шейнис З. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии). С. 108.

³⁰Там же. С. 109. Любопытно, однако, что министр иностранных дел Финляндии А. Хакцель при первой встрече с Б. Е. Штейном 18 января прямо советовал

Полпред также регулярно начал тогда встречаться с министром иностранных дел А. Хакцелем³¹. Более того, 26 июня 1933 г. прошла еще его встреча и с премьер-министром Т. Кивимяки. Причем на ней тоже обсуждались экономические вопросы. По ее же итогам, Штейн оптимистически передал в Москву слова финского премьера о том, что нужен обмен «хорошего молока на хорошую политику»³². Это вполне, естественно, устраивало советского дипломата. Более того, в СССР тогда твердо придерживались принципа использования «экономических стимулов для целей дипломатии» 33. Однако, судя по воспоминаниям самого Т. Кивимяки, состоявшаяся тогда беседа не имела столь обнадеживающего для финской стороны результата. Премьер-министр, наоборот, привел по памяти фразу самого Штейна, где тот сказал «прежде всего политика, а затем уже торговля» и более того подчеркнул, что «в соответствии с полученной из Кремля установкой Советский Союз зондирует мои [Кивимяки – Б. В.] позиции» 34. Иными словами, полпред не скрывал значение своей миссии, но это еще отнюдь не означало, что его установки в руководстве Финляндии стремились воспринимать.

В целом эта кипучая деятельность вполне соответствовала тому, что от него хотели в Москве, где, прежде всего, видели тогда для себя наиболее позитивным развитие внешнеэкономических связей, считая возможным «усиление... нашей экономической активности» в Финляндии³⁵. Также вполне оправданным считалось и налаживание контактов с финской общественностью. Об этом тоже тогда прямо говорили НКИД

полпреду избегать контактов с X. Вуолийоки, которая, как он отметил, не имеет «никакого веса ни в финской политике, ни в финской экономике». Он также подчеркнул, что ее лично сам не знает, «но знаю только, что она никаким влиянием не пользуется и к ней отношение скорее отрицательное» (Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 37).

³¹См.: Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 35–38, 432–435, 442–443, 847, 859; Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. XVII. С. 66–68, 92, 130, 173, 721, 769, 782.

³²Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 846.

 $^{^{33}}$ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 119—120.

³⁴Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S. 94.

 $^{^{35}}$ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 599. См. также: Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 108.

финскому посланнику в СССР А. Ирье-Коскинену, подчеркивая заинтересованность в расширении разнообразных контактов с этим государством, рассматривая даже необходимым то, «чтобы видные деятели из разных слоев финского общества почаще приезжали в Советский Союз». Это объяснялось представлениями, которые существовали в Москве, что «в соседней с нами Финляндии нас знают меньше, чем в далеких от нас странах»³⁶. Работа советского полпреда в Хельсинки вполне этой линии соответствовала.

При этом, однако, следует заметить, что все это происходило как раз в условиях прихода в Германии к власти нацистов. В результате традиционные хорошие финляндско-германские отношения начинают все больше приковывать внимание советского руководства³⁷, а деятельность полпреда Штейна становится в этом плане, действительно, определяющей, поскольку в Москве явно начали этим тенденциям противостоять и со своей стороны проявлять уже стремление переключить Финляндию на соответствующие антигерманские комбинации. В частности, тогда активно принялись обсуждать идею создания общей системы безопасности в Восточной Европе, к которой Советский Союз пытался привлечь, как известно, также Польшу, страны Прибалтики и Финляндию. Конкретно эту инициативу Москва выдвинула в декабре 1933 г. Тогда Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии»³⁸.

Однако ситуация стала складываться таким образом, что советское предложение первой и сходу отказалась рассматривать лишь Финляндия³⁹. Она по наблюдениям Штейна, просто «в течение всего периода переговоров вообще уклонялась от какого-либо ответа»⁴⁰. Это, естественно, вызвало в НКИД недоумение, а после того как Польша в январе

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 556.

³⁷См.: Там же. С. 269–270, 728–730; Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 48–51, 65; UM. 5 C18. Asia Yrjö Koskisen. Rap. N 9: Neuvosto Ulkopolitiikan huolia, 01.06.1933; Ibid. Rap. N 23: Neuvostoliiton ulkopoliittisista suhteista, 26.09.1933.

 $^{^{38}}$ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 105—106.

³⁹Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 33; *Selén K.* Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisten siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhö 1931–1936. S. 96.

 $^{^{40}}$ Штейн Б. Е. Внешняя политика СССР 1927—1934. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б). С. 86.

1934 г. еще подписала с Германией договор о ненападении, в Москве данную ситуацию, как утверждает известный историк К. Корхонен, стали вообще оценивать лишь только как то, что «между Германией, Польшей и Финляндией существует уже антисоветский союз»⁴¹. Трудно сказать, на основе каких источников к данной мысли пришел финский исследователь, поскольку, на самом деле, в руководстве Советского Союза международное положение в целом оценивали достаточно критически, но не столь драматично в отношении Финляндии. Штейн впоследствии указывал, что «подписание договора о взаимном ненападении между Германией и Польшей на 10 лет должно было... пробить брешь в окружении Германии»⁴². А как заметил в своем выступлении 26 января 1934 г. на XVII съезде партии И. В. Сталин, тогда наблюдались лишь проявления «неожиданности и зигзаги политики», в частности, именно у Польши⁴³.

В Финляндии в это время большее впечатление произвели другие слова советского лидера. Заканчивая свое выступление на съезде партии, Сталин тогда заявил: «...Те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород». Данное утверждение, однако, очень болезненно было воспринято, прежде всего, в Хельсинки. В финский МИД'е был специально приглашен по этому поводу представитель полпредства и ему сделали «дружественное представление», указав, что подобные заявления Сталина «вызывают сильное недовольство нашего президента, так как считают, что они направлены против него» 44. Впоследствии, однако, оказалось, что личное восприятие финского президента Э. Свинувуда слов И. В. Сталина были связаны с тем, что в переводе на русский язык его фамилия означала «свиноголовый» и таким образом он фразу советского руководителя просто воспринял очень буквально и исключительно в свой адрес.

В целом, было очевидно, что советские дипломаты пока работали еще не достаточно эффективно. Во многом, первая серьезная неудача Б. Е. Штейна — достигнуть с финским руководством политическую договоренность, могла в Москве быть признана как определенный провал в начинающейся деятельности полпреда. Более того, А. Хакцель, уклоняясь от рассмотрения

⁴¹Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 34.

 $^{^{42}}$ Штейн Б. Е. Внешняя политика СССР 1927—1934. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б). С. 85.

⁴³XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 13.

 $^{^{44}}$ Пальгунов Н. Г. Тридцать лет (воспоминания журналиста и дипломата). С. 98.

советской инициативы, связанной с подписанием регионального соглашения «о взаимной защите от агрессии», считал, что она вообще исходила исключительно от самого Б. Е. Штейна 45, не догадываясь, вероятно, что само решение начать переговоры принимал на самом верху — в Политбюро ЦК ВКП(б). При этом основная проблема, на которую наталкивался тогда советский дипломат, решая стоящие перед ним задачи, заключалась в том, что началась уже коренная перестройка советской внешней политики в отношении к своим западным соседям. Эту перестройку в Хельсинки еще не успели, очевидно, заметить и все разногласия с СССР сводили к личной инициативе, которая, по их мнению, исходила исключительно от действующего в Хельсинки советского дипломата. Тем не менее, на самом деле, в советской внешней политике по отношению к Финляндии начало проявляться ярко выраженное стремление «сочетания дипломатических и экономических инструментов для завоевания политического влияния» 46.

Естественно, что Штейн никоим образом не мог в такой ситуации сбавлять свою активность. Здесь он явно попытался действовать в направлении наращивания контактов полпредства прежде всего с финской общественностью. Это конкретно проявилось в том, что в советском представительстве была даже разработана специальная программа, выполненная в форме памятной записки. В ней намечался целый ряд мер по наращиванию, в частности, научных межгосударственных и личных связей, касающихся обмена публикациями и установления прямых контактов между учеными двух стран⁴⁷. Причем, данный документ отнюдь не являлся «импровизацией», отражающей творческую инициативную деятельность сотрудников полпредства. На самом деле Штейн здесь тоже выполнял соответствующее указание, которое являлось прямым следствием опять-таки принятых решений в Политбюро ЦК ВКП(б).

Еще 17 января 1934 г. в Москве утверждается в отношении Финляндии комплексная программа целого цикла мероприятий «по общественно-культурной линии». Она предполагала «разрешить приезд в СССР экскурсии финских журналистов», а также отдельно еще и «группы финляндских писателей». Кроме того в советском руководстве приш-

⁴⁵Selén K. Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisten siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhö 1931–1936. S. 97.

 46 Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 120.

⁴⁷Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 778.

ли к выводу о целесообразности проведения «на началах взаимности советской выставки искусств в Гельсингфорсе и финляндской выставки в Москве и Ленинграде» 18. Также в советском руководстве решили еще «организовать на началах взаимности доклады» исследователей обеих стран и «присвоить звание членов-корреспондентов Академии Наук» двум финским ученым. Наконец, последовало еще одно распоряжение - направить «в Финляндию видного советского педагога для прочтения цикла лекций о постановке школьного дела в СССР» 17. Таким образом, в Москве явно переходили к достаточно инициативной научно-культурной программе сотрудничества с Финляндией, где полпредство должно было непосредственно активно принимать участие в ее реализации.

Действительно, уже в феврале в Хельсинки была открыта, как и намечалось, советская художественная выставка. Это событие само по себе являлось большим достижением в деле советско-финляндского сотрудничества, поскольку ранее подобных мероприятий просто не проводились. На открытие выставки, как с удовлетворением заметил Б. Е. Штейн, прибыло даже «4 министра» 3 атем в столице Финляндии началась еще демонстрация советской художественной киноленты «Гроза» 1934 г. режиссером В. М. Петровым по одноименной пьесе Н. Островского и признанной тогда же одним из лучших фильмов на Венском международном кинофестивале. Возможность показать эту картину в Финляндии также являлось тогда достаточно большим событием в вопросах культурного сотрудничества двух стран, поскольку ранее в Финляндии демонстрировалась советская кинолента лишь в 1926 г.

Далее, в соответствии с указаниями советского руководства, началось также развертывание и т.н. научно-технического сотрудничества. 29 марта в присутствии министра просвещения О. Мантере и советского полпреда дал лекцию о системе образования в СССР московский профессор А. П. Пинкевич⁵². Затем, в первой половине апреля, в СССР при-

 $^{^{48}}$ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 414—415.

⁴⁹Там же.

⁵⁰Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 777.

⁵¹Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 81.

⁵²Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 423.

бывает представительная делегация финских журналистов⁵³. Она была приглашена Журнально-газетным объединением Советского Союза и состояла из 22 человек. Причем, показательно, что в этой делегации оказались «ведущие журналисты и руководители столичных и провинциальных газет — так сказать, цвет финской журналистики»⁵⁴. В составе делегации были также еще и три депутата финского парламента⁵⁵.

Параллельно с этим стало продвигаться дело с укреплением научных связей. Так известному финскому геологу, профессору В. Таннеру было присвоено почетное звание действительного члена-корреспондента Академии Наук СССР⁵⁶. С исследовательскими целями также получил право посетить СССР крупный финский филолог Л. Кеттунен⁵⁷. Таким образом, очевидно, что инициатива в развитии соответствующих контактов опять переходила на сторону Советского Союза. Хотя, как считают некоторые российские исследователи, указанные мероприятия все же не выходили «за рамки традиционной советской практики организации "культурного сближения"»⁵⁸. Но при этом следует учитывать, что подобного объема контактов в области научно-технического и культурного сотрудничества две страны ранее просто еще не знали.

Поскольку по непосредственному постановлению Политбюро также предполагалось развивать и «экономические мероприятия» и «предусмотреть заказы в Финляндии в первом квартале»⁵⁹, то, соответствен-

⁵³См.: *Korhonen K.* Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 81; Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 801; *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза, 1933–1935 гг. М., 1980. С. 182.

⁵⁴Пальгунов Н. Г. Тридцать лет (воспоминания журналиста и дипломата). С. 92. ⁵⁵Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 421–422. Однако сказать, что посещение столь представительной делегации Советского Союза что-то изменило все же нельзя. Как заметил по итогам этого визита Пальгунов Н. Г., «после поездки лидеров журналистики в Советский Союз на страницах финских газет не произошло заметного увеличения информации о Советской стране» (См.: Пальгунов Н. Г. Тридцать лет /воспоминания журналиста и дипломата/. С. 92.).

 $^{^{56}}$ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 422.

⁵⁷Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 801.

 $^{^{58}}$ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 421.

⁵⁹Там же. С. 414.

но, наметились еще и перспективы развития торгово-экономического сотрудничества. В результате объем советских закупок в Финляндии в первой половине 1934 г. начал расти⁶⁰. Более того, по непосредственно принятому в мае решению Политбюро, возникла возможность приезда в СССР для знакомства «с достижениями в области электрификации и сельского хозяйства» группы финляндских «инженеров-электриков и экономистов-сельскохозяйственников» 61. В соответствии с этим уже осенью в Ленинграде действительно находилась целая делегация экономических экспертов, которую возглавил министр торговли и промышленности Финляндии И. Киллиненом⁶². Иными словами, явно раскрывались определенные перспективы экономического сотрудничества, которые еще были соответствующим образом закреплены, поскольку в Москве начались переговоры с финскими торгово-экономическими представителями, решая вопрос о расширении экспорта в Советский Союз. «Расширение деловых связей» обсуждалось и в Хельсинки на встрече представителей полпредства с руководителями финского союза промышленников. На этих переговорах лично присутствовал Б. Е. Штейн⁶³. Действительно, обсудить было что, поскольку в 1933 г. финский экспорт в СССР составлял лишь $1.8\%^{64}$. Что же касается Штейна, то по итогам этой встречи он сообщил в Москву, что «все присутствовавшие были согласны в том, что необходимо изменить политику в отношении СССР»⁶⁵.

В целом именно политика являлась главным и определяющим в перспективах развития других форм советско-финляндского сотрудничества. Поэтому полпред явно старался продолжать практику встреч с финским руководством. В результате, за весьма короткий отрезок времени — февраль — март 1934 г. он смог дважды провести соответствующие переговоры с главой правительства Финляндии Т. Кивимяки. Причем на встрече 8 марта Б. Е. Штейн прямо призвал финское правительство к более активной политике сотрудничества с Советским Союзом. Поскольку «делалось, — как он заметил, — очень мало для того, чтобы каждый финский обыватель понимал, что правительство хочет и активно стре-

⁶⁰Там же. С. 421.

⁶¹ Там же. С. 440.

⁶²Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 802.

⁶³Пальгунов Н. Г. Тридцать лет (воспоминания журналиста и дипломата). С. 75.

⁶⁴Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 82.

⁶⁵Документы внешней политики СССР. XVII. С. 669.

мится к сближению с СССР» 66 . Он также провел «знаковые» по своей сути переговоры и с командующим финской армией X. Эстерманом 67 .

Но наибольшего успеха Штейн, вероятно, тогда добился в другом. 7 апреля 1934 г., Москве удалось подписать с Финляндией протокол о продлении на 10 лет договора о ненападении⁶⁸. Это была советская инициатива, а переговоры о подписании протокола, продлевающего данный договор, вел с финскими представителями именно Б. Е. Штейн⁶⁹. Причем подписание договора о ненападении до этого, как известно, было крайне трудной задачей, поскольку решение ее со стороны СССР заняло «почти 6 лет»⁷⁰. Теперь уже казалось, что достигнутое соглашение явно можно было записать в актив советскому полпреду. Хотя, как полагают некоторые российские исследователи, главным в данном случае являлось то, что для советского руководства «заключение договоров о взаимной неагресссии переросло в нашупывание общих с соседями международно-политических интересов»⁷¹.

Поэтому, в развитие политического диалога, когда в мае появилась с финской стороны еще идея посещения СССР ее парламентской делегацией эта инициатива у советского руководства не получила поддержки⁷². Москва решила действовать более радикально. В том же месяце, находясь в Женеве, нарком иностранных дел М. М. Литвинов в присутствии Б. Е. Штейна приглашает А. Хакцеля лично посетить столицу СССР. Причем это предложение рассматривалось как достаточно знаковое явление, поскольку до этого Советскую Россию посещали на таком уровне финские представители только лишь в декабре 1917 г., когда им вручался декрет о признании независимости Финляндии.

Однако всем тенденциям политического, а также экономического и культурного сотрудничества развиться в практические результаты, укрепляющие отношения между двумя странами, в бытность Б. Е. Штейна на посту главы советского дипломатического представительства в Финлян-

⁶⁶Там же. С. 171.

⁶⁷Там же. С. 777.

⁶⁸Там же. С. 239-240.

⁶⁹Там же. С. 213.

⁷⁰Штейн Б. Е. Внешняя политика СССР 1927—1934. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б). С. 86.

⁷¹Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 122.

⁷²Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 801.

дии так и не удалось. Торговля в конечном итоге в 1934 г. даже сократилась, составив лишь 1,62% всего финского оборота 73 . Кроме того в Хельсинки не посчитала нужным приглашать с ответным визитом советских журналистов, а финские живописцы и скульпторы отказались прибыть на организованные в Москве и Ленинграде ответные творческие выставки. Все это еще сочеталось с достаточно резкими заявлениями, направленными против СССР, в финских прессе 74 , встречавшие затем соответствующую реакцию уже в органах массовой информации Советского Союза 75 . Более того, в отношении полпредства стали, как считали в Москве, организовывать разного рода провокации 76 , что, конечно, с советской стороны вызывало протесты 77 . Иными словами, развития контактов не получалось.

Почему это происходило?

Впоследствии Б. Е. Штейн оценивал эту ситуацию тем, что указывал в отношении Финляндии, что «бывают моменты в жизни любого народа, когда кончается льготный период, в течение которого этот народ может присматриваться и выбирать между различными внешнеполитическими тенденциями и ориентациями и когда перед ним со всей неумолимостью встает задача окончательного выбора»⁷⁸. Очевидно, если следовать логике этого человека, тогда как раз и начинался тот период, когда Финляндии предстояло уже решение задачи «окончательного выбора». Причем Штейн, будучи полпредом, явно полагал, что за позицию Финляндии уже началась борьба. В частности, после очередной беседы с А. Хакцелем он, например, прямо докладывал в Москву 13 июля 1933 г., что у него «нет сомнения в том, что на Хакцеля и финское правительство в целом давят со стороны»⁷⁹. Имелись здесь в виду и Англия, и особенно Германия. Также в советском представительстве особо обращали внимание и на устойчивые антисоветские настроения, которые тогда регулярно проявлялись в финском обществе, создавая достаточно нервозную атмосферу.

⁷³Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 82.

⁷⁴Ibid. S. 84–85.

⁷⁵UM. 12L/24. Neuvostoliitto 1931–1937 (-39). Neuvostolainen vakoilu ja propaganda Suomessa; Ibid. 5 C18. Asia A. Ivalo. Rap. N 30: Neuvostohallituksen katsaus Suomea kohtaan, 01.11.1934; См.: *Барышников Н. И., Барышников В.Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 10.

⁷⁶См.: Известия. 1934, 15. 22. 24 июня, 16 июля.

 $^{^{77}}$ Документы внешней политики СССР. XVII. С. 505–506.

⁷⁸Советско-финляндские отношения. Стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Б. Е. Штейна, прочитанной 10 апреля 1944 года в Колонном зале Дома Союза в Москве. С. 17.

⁷⁹Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 443.

Эту ситуацию впоследствии признал и финский премьер, который в своих воспоминаниях напишет, что «мечтания о Великой Финляндии очень препятствовали правительству в его внешнеполитической деятельности, поскольку они воспринимались за рубежом, как серьезные, как будто они заслуживали этого» 80 .

Но важно было еще и другое. Очевидно, что тенденции к возможному улучшению экономических связей и развитию контактов в области культуры продолжали сочетаться также еще с тем, что в СССР выдвигали все и новые внешнеполитические инициативы. Эти советские предложения, однако, финское руководство, как и раньше, не воспринимало. В частности, в мае 1934 г. Москвой была выдвинута идея создания т.н. Восточного пакта (или «Восточного Локарно»). По этому проекту, объективно. Финляндия должна была войти в военно-политическую группировку. Чего, естественно, она делать не хотела. Как заметил историк К. Корхонен, в результате «Финляндия оказалась в числе тех государств, которые особенно чувствовали тяжелое воздействие Восточного пакта». В подтверждение этого утверждения в своем исследовании он привел слова А. Хакцеля, высказанные им при встрече с немецким министром иностранных дел К. Нейратом. Тогда глава МИД'а Финляндии прямо сказал, что в отношении Восточного пакта «Финляндия рисковать ни в коем случае не должна»⁸¹. Поэтому развивать дальнейшее взаимодействие с СССР в Хельсинки явно не собиралась. В итоге воспользоваться приглашением отправиться в Москву с официальным визитом А. Хакцель просто не хотел и это очень хорошо понимал Б. Е. Штейн, который тогда сообщал в Москву: «Мне известно, что Хакцель лично всячески саботирует поездку» 82.

В данной обстановке также показательным стало еще и то, что Финляндия явно начала критически относиться к идее включения Советского Союза в число членов Лиги наций. Именно в это время в Москве четко была поставлена задача присоединения СССР к этой влиятельной международной организации. Еще в январе 1934 г. И. В. Сталин ясно высказался за необходимость участия Советского Союза в ее работе. Как он заявил: «Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело

⁸⁰Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 91.

⁸¹Цит. по: Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatissa Tartosta talvisotaan. S. 48.

⁸²Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 721.

мира»⁸³. Здесь очевидно рассматривали это как способ реализации идеи создания общеевропейской системы коллективной безопасности в Европе и занятия более влиятельного места в общей иерархии международных отношений. В Хельсинки однако в этом также почувствовали для себя угрозу, которая еще сочеталась с тем, что финские представители стали понимать, что в присутствии делегации СССР не смогут, как это было раньше, активно использовать женевскую трибуну для обсуждения там проблем связанных с Восточной (советской) Карелией и Ингерманландией. В результате финская правительственная делегация проигнорировала 17 сентябре 1934 г. процедуру голосования по вопросу о принятии СССР в число членов Лиги наций и М. М. Литвинов, со своей стороны, откровенно по данному поводу заметил, что это «оставило у нас некоторую горечь»⁸⁴. Конечно, позиция Финляндии в Лиге наций могла квалифицироваться и как определенная «недоработка» Б. Е. Штейна, который сам тогда лично участвовал в ее заседаниях.

Но бо́льшим, конечно, было раздражение советского руководства самой политикой Финляндии в отношении приема СССР в Лигу наций. Объективно это означало определенный удар по стратегической линии советского руководства, поскольку тогда «главные усилия Москвы оказались сосредоточенны на вхождение в круг великих держав, чему, — как считают некоторые отечественные исследователи, — было отдано предпочтение перед непосредственным сотрудничеством с соседними странами» 85.

Безусловно, Б. Е. Штейн хорошо понимал стратегическую линию своей страны. Поэтому еще заранее проинформировал Москву о встрече с Ирье-Коскиненом в Женеве, где оба дипломата тогда находились. Конкретно он писал в Москву 12 сентября: «Только что посетивший меня Ирье-Коскинен признал, что стремление добиться "Карелии и Ингерманландии во время возможного конфликта между нами и Японией сделалось всеобщим мнением в Финляндии... Финляндское правительство уже само озабочено этой волной небывалой пропаганды против СССР...»⁸⁶.

 $[\]overline{^{83}}$ Цит. по: *Штейн Б. Е.* Внешняя политика СССР 1927—1934. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б). С. 80.

⁸⁴Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 637.

⁸⁵Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 122.

⁸⁶Документы внешней политики СССР. XVII. С. 588.

Трудно сказать, насколько данное заявление финского посланника в Москве соответствовало высказанным им Штейну суждениям, но его сообщение вызвало в Москве заметную обеспокоенность. Через два дня полпредству в Хельсинки было направлено ответное соображение, где говорилось: «Признания Ирье-Коскинена, о которых телеграфировал т. Штейн, подтверждают наши худшие выводы и предположения относительно степени и размеров враждебной нам пропаганды в Финляндии». Высказывалась затем вероятность того, что с вступлением Советского Союза в Лигу наций может начаться «новый период конфликтов с Финляндией»⁸⁷.

Иными словами Штейн, предвидя негативно развивающийся политический диалог с Хельсинки, в чем-то пытался «застраховаться», указывая на антисоветские настроения, наблюдаемые в этой стране. Но для Москвы уже становилось предельно понятно, что он оказался не в состоянии развернуть внешнеполитический курс Хельсинки в том направлении, которое хотели видеть его в СССР. Более того, здесь заметно оказались разочарованы. Литвинов теперь вообще пришел к выводу, что «после Японии, Германии и Польши Финляндия является в настоящее время по своим замыслам наиболее агрессивной страной». Другой же высокопоставленный сотрудник НКИД Б. С. Стомоняков вообще заявил, что «никогда за 9 лет, в течение которых я занимаюсь советско-финляндскими отношениями, состояние этих отношений не было более серьезным». 25 сентября 1934 г. он прямо заявил об этом А. Ирье-Коскинену, подчеркнув, что «вероятно, придется очень скоро делать доклад правительству по этому поводу»⁸⁸.

Иными словами, Б. Е. Штейн не справился до конца со своей миссией. Очень хорошо это понимая, он впоследствии отметит, что «Советский Союз неоднократно предлагал Финляндии соглашения политического и экономического характера, которые могли бы укрепить как независимость Финляндии, так и быть полезными ее народному хозяйству». И далее уже жестко заявил: «Отказ Финляндии от этих соглашений свидетельствовал о враждебности финляндского правительства и был показателем для всей политики Финляндии»⁸⁹. Эта определенная бескомпромиссность Б.

⁸⁷Там же. С. 592.

⁸⁸Тамже. С. 610. См. также: UM. 5 C18. Asia A. Ivalo. Rap. N 30: Neuvostohallituksen katsaus Suomea kohtaan, 01.11.1934.

⁸⁹Советско-финляндские отношения. Стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Б. Е. Штейна, прочитанной 10 апреля 1944 года в Колонном зале Дома Союза в Москве. С. 16.

Е. Штейна, и весьма критическое отношение в Финляндии проглядывались в целом постоянно. Более того, в наркомате иностранных дел даже стали поступать от финнов сведения, что советский дипломат вообще плохо достигает должного контакта с финскими официальными властями. Посланник Ирье-Коскинен даже передал пожелание своего правительства вообще заменить Штейна, поскольку он, «по взглядам финнов, ухудшал своими донесениями отношения обеих стран друг к другу» Все это в комплексе, в конечном итоге, оказало воздействие на Москву. В Финляндию был направлен новый посланник — Э. А. Асмус, а Б. Е. Штейн в ноябре 1934 г. покинул Хельсинки91, получив новое назначении на юг Европы, в Италию.

Таким образом, миссия Штейн закончилась неудачей. Его главная задача – улучшение советско-финляндских отношений и изменения в более благоприятном для СССР плане внешнеполитического курса Финляндии не была решена. Хотя, естественно, не все здесь зависело от предпринимаемых усилий советского дипломата. Многое было следствием общей стратегической линии финского руководства в того времени. Сами же донесения, которые направлял Штейн в Москву в целом отражали политическую обстановку в Финляндии, хотя и имели нередко достаточно острый характер. При этом они, разумеется, ни коем образом не меняли основ советской внешнеполитической линии в отношении Финляндии. Они сохранялась и при других полпредах, которые затем далее работали в Хельсинки. Историческая же миссия Штейна, очевидно, заключалась, прежде всего, в том, что его дипломатическая деятельность в Хельсинки совпала с началом изменения стратегии СССР в отношении Финляндии, с реализацией данной «перестройки», однако, этот советский дипломат не справился и, очевидно, справиться реально и не мог.

 $^{^{90}}$ Советско-финляндские отношения. Стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Б. Е. Штейна, прочитанной 10 апреля 1944 года в Колонном зале Дома Союза в Москве. С. 16.

⁹¹С другой стороны, некоторые исследователи вообще считают, что Б. Е. Штейн стремился завершить работу в этой стране, считая, что ему «тесно» в «маленькой Финляндии» (См.: *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами /конец 1920 – 1930-х гг./: Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 581).

ЛИТЕРАТУРА

Архивы раскрывают тайны. М.: Политиздат, 1991. 381 с.

Барышников В. Н. Начало политического кризиса 1939 г. в Европе и Финляндия // Скандинавские чтения 2004 года. СПб.: Издательство «Лемма», 2006. С. 164-171.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с

Дипломатический словарь. Т. 3. М.: Изд-во «Наука», 1986. 750 с.

Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 - июнь 1934. СПб.: Европ. Дом, 2000. 703 с.

Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1933-1935 гг. М.: Наука, 1980. 391 с.

Шейнис 3. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии) // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 101-118.

Штейн Б. Е. Гаагская конференция. М.: Государственное издательство, 1922. 57 с.

Штейн Б. Е. Советская Россия в капиталистическом окружении. М.: [б. и.], 1921. 91 с.

Штейн Б. Е. Буржуазные фальсификаторы истории. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 237 с.

Штейн Б. Е. Внешняя торговая политика СССР. М.-Л.: Изд. ВСНХ., 1925. 139 с.

Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М.: Госиздат, 1922. 127 с.

Штейн Б. Е. Русский вопрос в 1920–21 гг. М.: Госполитиздат, 1958. 337 с.

Штейн Б. Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919–1920). М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1949. 462 с.

Штейн Б. Е. Система международной опеки: (две тенденции решения колониальной проблемы в организации Объединенных Наций). Госполитиздат, М., 1948. 192 с.

Штейн Б. Е. Уроки Версаля. М.: Госполитиздат, 1944. 38 с.

Штейн Б. Е. Фашистская Италия — вассал гитлеровской Германии. М.: Госполитиздат, 1942. 16 с.

Штейн Б. Е., Канторович А. Я. Русский экспорт и внешние рынки: (торговополитические условия русского экспорта). М.: Экономическая жизнь, 1923. 169 стр.

Штейн Б. Е., Раппопорт А. Ю. Советско-германский договор 12 октября 1925 года. М.: Экономическая жизнь, 1927. 278 с.

Killinen K. Suomi ja länsivallat maailmansotien välisenä aikana // Itsenäisen ulkopolitiikan alkutaival. Porvoo; Hels.: Werner Söderström, 1962. s. 179-194.

Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels.: Werner Söderström, 1965. 313 s.

Korhonen K. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. Os. 2. Hels.: Kustannusosakeyhtiö Tammi, 1971. 224 s.

Selén K. Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisten siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhö 1931-1936. Hels.: Forsan Kirjapaino, 1974. 289 s.

REFERENCES

Arhivy raskryvajut tajny [Archives reveal secrets]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 381 p. [In Russian]

Baryshnikov V. N. Nachalo politicheskogo krizisa 1939 g. v Evrope i Finljandija [Start of the political crisis in 1939 in Europe and Finland], in *Skandinavskie chtenija 2004 goda [Scandinavian reading, 2004]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Lemma» Publ., 2006. P. 164-171. [In Russian]

Baryshnikov N. I., Baryshnikov V.N., Fedorov V. G. *Finljandija vo vtoroj mirovoj vojne [Finland in World War II]*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989. 336 p. [In Russian]

Diplomaticheskij slovar' [Diplomatic dictionary]. T. 3. Moscow: Izdatelstvo «Nauka» Publ., 1986. 750 p. [In Russian]

Ken O. N., Rupasov A. I. Politbjuro CK VKP(b) i otnoshenija SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konec 1920-1930-h gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentarija. Chast' 1. Dekabr' 1928 - ijun' 1934 [Politburo of Communist party and the relationship of the USSR with Western neighbors States (the end of 1920s – Juin 1930s]: Problems. Documents. Comment. Part I. December 1928–Juin 1934]. St. Petersburg: Evropeiskij Dom Publ., 2000. 703 p. [In Russian]

Killinen K. Suomi ja länsivallat maailmansotien välisenä aikana, in Itsenäisen ulkopolitiikan alkutaival. Porvoo; Hels.: Werner Söderström, 1962. s. 179-194.

Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels.: Werner Söderström, 1965. 313 s.

Korhonen K. *Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan*. Os. 2. Hels.: Kustannusosakeyhtiö Tammi, 1971. 224 s.

Selén K. Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisten siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhö 1931-1936. Hels.: Forsan Kirjapaino, 1974. 289 s.

Sipols V. Ja. Vneshnjaja politika Sovetskogo Sojuza. 1933-1935 gg. [The foreign policy of the Soviet Union]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 391 p. [In Russian]

Shejnis Z. S. Polpred B. E. Shtejn (shtrihi k biografii) [Plenipotentiary Representative B. Stein (the finishing touches to the biography)], in *Novaja i novejshaja istorija* [Modern and Contemporary history]. 1991. № 1. P. 101-118.

- Shtejn B. E. *Gaagskaja konferencija [The Hague Conference]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 57 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. *Sovetskaja Rossija v kapitalisticheskom okruzhenii [Soviet Russia in a capitalist environment]*. Moscow: [bez. izdatelstva.], 1921. 91 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. *Burzhuaznye fal'sifikatory istorii [Bourgeois falsifiers of history]*. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960. 237 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. *Vneshnjaja torgovaja politika SSSR [Foreign trade policy of USSR]*. Moscow–Leningrad: Izdatelstvo VSNH Publ., 1925. 139 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. *Genujezskaja konferencija [Genoa conference]*. Moscow: Gosizdat Publ., 1922. 127 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. *Russkij vopros v 1920–21 gg. [Russian question in 1920–1921]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1958. 337 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. Russkij vopros na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920) [The Russian question at the Paris Peace Conference]. Moscow: Gosudarstevennoie izdatelstvo politicheskoj literatury Publ., 1949. 462 p.
- Shtejn B. E. Sistema mezhdunarodnoj opeki: (dve tendencii reshenija kolonial'noj problemy v organizacii Ob#edinennyh Nacij) [The system of international trusteeship: (two tendencies of the colonial problem solving in the United Nations Organization]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1948. 192 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. *Uroki Versalja [The lessons of Versailles]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1944. 38 p. [In Russian]
- Shtejn B. E. Fashistskaja Italija vassal gitlerovskoj Germanii [Fascist Italy vassal of Hitler Germany]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1942. 16 p. [In Russian]
- Shtejn B. E., Kantorovich A. Ja. Russkij jeksport i vneshnie rynki: (torgovo-politicheskie uslovija russkogo jeksporta) [Russian exports and foreign markets: (trade and political conditions of Russian exports)]. Moscow: Jekonomicheskaja zhizn' Publ., 1923. 169 p. [In Russian]
- Shtejn B. E., Rappoport A. Ju. *Sovetsko-germanskij dogovor 12 oktjabrja 1925 goda* [Soviet-German treaty of 12 October 1925]. Moscow: Jekonomicheskaja zhizn' Publ., 1927. 278 p. [In Russian]